

ЭДЕЛЬМАН Д. И.

К ГЕНЕТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Как принято считать, общеиранский праязык, или «язык-основа», просуществовав какое-то время в виде относительно единой системы, впоследствии дифференцировался на две основные диалектные группы, условно называемые «западной» и «восточной», — по месту их предполагаемого распространения в древности относительно пустынь Центрального Ирана [см. 1, с. 137 и сл.; 2, с. 36 и сл.; 3, с. 88]. В дальнейшем от диалектов, локализовавшихся на западе, произошли «западноиранские» языки (мидийский, парфянский, белуджский, курдский, талышский, персидский, таджикский, татский и др.), от «восточных» диалектов, распространившихся по огромной территории от Северного Причерноморья до Восточного Туркестана, в регионах нынешних Афганистана, Пакистана, Средней Азии, — «восточноиранские» языки (скифо-сарматские и сакские наречия, согдийский, хорезмийский, афганский, осетинский, памирские языки и др.). В итоге традиционные названия генетических групп не совпадают с ареалами исторического и современного распространения входящих в них конкретных языков (ср., например, юго-восточное положение современного белуджского и северо-западное — осетинского [1, с. 342; карта]).

По традиции, основными признаками, противопоставляющими друг другу языки «западной» и «восточной» групп, считаются некоторые историко-фонетические черты их консонантизма, а именно: 1) сохранение древнеиранских начальных звонких смычных **b-*, **d-*, **g-* в западноиранских языках при спирализации их в *v-*, *δ-*, *γ-* в восточноиранских; 2) сохранение древнеиранских интервокальных групп согласных **-ft-*, **-xt-* в западноиранских языках при озвончении их в *-vd-*, *-γd-* в восточноиранских. Иногда к этим классификационным признакам добавляют другие, среди которых наиболее существенными считаются: 1) отражение древнеир. **č* в начальной позиции в виде западноиранской *č* ~ восточноиранской *c-*, в поствокальной и постсонорной позициях соответственно с озвончением: зап. **-č-* > *-č*, *-z* ~ вост. **-č-* > **-c* > *-z*, *z*; 2) сохранение древнеиранской начальной **h-* в западных языках при отпадении ее в восточных. Подробнее о классификационных признаках в исторической фонетике см. [4, с. 415 и сл.; 1, с. 347; 2, с. 179]; сводку основных признаков с учетом новейшей литературы см. [3, с. 91—97].

Предпринимались также попытки выявить морфолого-синтаксические черты, дифференцирующие эти две группы: различие в происхождении показателей мн. числа имен; лучшая сохранность падежной флексии в восточноиранских языках в сравнении с западными [4, с. 416; 2, с. 180, 185]; характерность для восточной группы препозиции определения при развитии в большинстве западноиранских языков изафетной конструкции, где определение постпозитивно [1, с. 350—351; 2, с. 180]; характерные типы построения предложений с глаголами в прошедших временах [4, с. 416 и сл.]. Однако одни из указанных черт оказались свойственны лишь отдельным подгруппам внутри этих двух групп, другие — различным языкам как западной, так и восточной групп.

Постулировались также отдельные лексические различия [4, с. 414—415; 1, с. 351], однако в настоящее время с появлением новых материалов по живым и вымершим языкам соответствующие изоглоссы нуждаются в корневом пересмотре.

Таким образом, признавая важность морфолого-синтаксических и лексических критериев в генетической классификации языков в принципе, приходится констатировать, что на данном этапе исследованности истории иранских языков наиболее надежными и всеобъемлющими в масштабах всей семьи в целом остаются все же историко-фонетические критерии. Между тем и указанные выше историко-фонетические признаки, как оказалось, нуждаются в уточнении: их анализ показывает, что они охватывают неодинаковое количество языков и, следовательно, имеют различную хронологическую глубину и ареальную соотнесенность, а потому и разную значимость для общей генетической классификации иранских языков (а также для вычленения определенных ареалов субстратного воздействия на них со стороны доиранских, включая доиндоевропейские).

В частности, признак отражения общепр. *č- в виде зап. č- ~ вост. с- — далеко не всеобъемлющ. Многие восточноиранские языки сохраняют č-: согдийский, ягнобский; язгулямский; мунджанский и йидга (два последних — в подавляющем большинстве лексем); скифо-сарматские наречия (с возможными колебаниями č — с в части из них). В осетинском — потомке одного из скифских наречий — переход *č- > с- был относительно поздним, о чем свидетельствуют ранние заимствования из осетинского в соседние кавказские языки, где сохраняется č- [5]. С другой стороны, переход *č- > с- наблюдается в языке ормури, входящем по другим признакам в западную группу (анализ отражения *č- и примеры см. [3, с. 94—96]). Аналогичные исключения отмечаются и в отражении срединной *č-, которая в тех же восточных языках продолжается в виде j, ž, а в части западных — в виде z, см. [3, с. 96—97].

Существенно при этом, что и в тех восточноиранских языках, где реализован сдвиг *č- > с-, *č- > z, он не всегда фронтален, а наблюдаемые отклонения носят системный характер и различаются по языкам. Так, в мунджанском *č сохраняется в виде č перед рефлексами *a, *ā, но сдвигается в с перед рефлексом *i. В ишканимском, при обычном переходе *č > с, налицо случаи сохранения č, в основном, перед рефлексами *a [6, с. 298] и в составе древнего суф. *-či (возможно, благодаря его поздней продуктивности). В ваханском *č > с в разных позициях (*č- > z после сонорных), но перед рефлексами *i и в определенных иных случаях *č > č, č, j [7, с. 35—36]. В хотаносакском *č сохраняется (или озвончается в срединной позиции) перед рефлексами *i, *ī, поддерживавшими палатальность, но дентализуется в других позициях [8].

Такие — иногда диаметрально противоположные изменения *č в различных восточноиранских языках (типа сохранения палатального фокуса перед рефлексами *i, *ī в сакско-ваханской подгруппе, при дентализации в той же позиции в мунджанском, шугнано-рушанской группе, афганском, ишканимском; дентализации перед рефлексами *a, *ā в хотаносакском, ваханском, при сохранении палатального характера в ишканимском, мунджанском и т. п.) свидетельствуют о поздней его дентализации в уже разошедшихся конкретных языках — в тех позициях, которые для каждого данного языка являлись дентализующими.

Уместно напомнить также, что даже в относительно близко родственных языках отражение *č неодинаково. Так, в северопамирской генетической подгруппе, объединяющей язгулямский язык и шугнано-рушанскую группу языков и диалектов (разделение ее определяется глутохронологическим методом периодом около 1300—1400 лет назад [9], оказываясь в условиях восточноиранской группы очень недавним), рефлексация *č различна: в язгулямском она сохраняется в анлауте и озвончается в j, ž в инлауте (несмотря на наличие в его системе дентальных с, z, z иного происхождения), а в шугнано-рушанской группе дентализуется в с-, -z, -z соответственно, поскольку здесь позиция перед рефлексами *i, *ī, *a, *ā (в которой возможна была древняя *č в силу ее происхождения) являлась продвигающей вперед для всех непременных согласных (ср. сдвиг в ней *k > č, *g > *γ > ž, *x > š).

Таким образом, дентализация *č затронула лишь часть восточноиран-

ских языков (и один из западных), была относительно поздней, развиваясь по языкам в различных позициях самостоятельно и, по-видимому, неодновременно. Следовательно, она не может рассматриваться как классификационная черта, обособляющая восточную группу от западной.

Более осторожной оценки требует и признак отпадения *h- для восточноиранских языков. Если сохранение *h- в западноиранских является нормой и представляет общий для них архаизм (хотя исключения отмечаются и здесь), то исчезновение его в восточноиранских не может рассматриваться как общая и достаточно старая инновация, которая могла бы быть отнесена к единому для них состоянию (хотя случаи отпадения *h- имеют статистическое преимущество). Обычно лексемы с начальной *h- в прототипе действительно отражаются либо с гласной в анлауте, либо с наращением сонорной протезы (обычно w, y, реже h, в зависимости от характера гласной), аналогично лексемам с начальной гласной в прототипе, ср. отражение общеир. *hapta- «семь» (ср. ав. *hapta*, др.-инд. *saptá* < арийск. *sapta- < и.-е. *septm-): скиф. *awd-, согд. 'βt, хорезм. 'βt, 'βd [avd], хот.-сак. *hauda*- (с нефологическим h-, отмеченным и как протеза перед гласным: *hangušta*- < *angušta- «палец», *hašta*- < *ašta- «восемь»); осет., ягн. *avd*, афг. *owš*, шугн., руш. *wuwd*, хуф., барт. *ūvd*, сар. *wvd*, язг., ишк. *uvd*, вах. *wb*, мундж. *ovdā*, см. [3, с. 97]. Выпадает обычно и срединная *h-, часто с последующим стяжением окружающих ее гласных (см. ниже). Однако в ряде случаев наблюдается обратный процесс — «огрубление» или «усиление» *h с переходом его в x, происходящее, что весьма существенно, по отдельным языкам в тех же лексемах, которые в других языках отражаются с *h > θ (или с поздней протезой). Ср., например, осет. *xīd/xed* «мост», при шугн. *yēd*, руш., барт. *yīd*, йидга *yeu*, ягн. *i/ētk*, согд. *ytkw*, ишк. *yatik* «то же» < *haituka-, ср. ав. *haētu*-, др.-инд. *sētu*-, но осет. *æm*-, *æn*- < *ham- префикс, при a-, am-, æm- и т. п. в остальных языках. Особенно характерно усиление *h в слогах типа *hu, *huç, связанное, по-видимому, с фонетической лабиализацией *h, влекущей за собой во многих языках мира развитие заднеязычного или увулярного фокуса (о связи последних с лабиальностью см. [10, с. 258—259]), хотя и здесь отражение в различных языках неодинаково (что частично объясняется колебаниями огласовки слога: *hu, но *hуа > **x^va*). Ср., например, осет. *x^vysk'* «сухой», но афг. *wuç*, вах. *wəsk*, мундж. *wušk*, язг. *wažk* < *huška- < и.-е. *sus-ko [11, с. 880—881]; осет. *xur* «солнце», ягн. *xū/ūr*, согд. будд. *ywr*, ман. *xwr* [xūr, xōr], шугн. *xīr*, руш. *xor*, барт. *xōr*, сар. *xer* < **x^var*-, ср. ав. *hvar*-, *x^van*-, др.-инд. *svár*- < и.-е. *swel-, но язг. *xəwūr* < *xuwar- < *huçar-, хорезм. *xyr* < *huçar-(ya)-, ср. ведич. *suvar*- < и.-е. *swel-; афг. *lmar*, *ntar* < *hуar- с переходом *hу > *nw* [12], при вах. (y)ir < *hur- «солнце», но *šarvdəpn*, *šarbdəpn* «время около полудня» — из **x^var*- и производного от корня *tap- (различные огласовки *sw еще в индоевропейском прототипе лексемы «солнце» см. [11, с. 881]), ср. различные огласовки *hу в прототипах вах. (y)inot «сновидение» < *hupnā-ta-, ср. ав. *x^vafna*-, но *gyž(y)p*- «спать, засыпать» от того же корня в форме **x^vap*- (ср. и.-е. огласовки *swep-, *sup- [11, с. 1048]). Аналогичны отражения срединной *h-, ср. мундж. *yīnə*, йидга *ino*, ишк. *wep*, сангл. *wēn*, афг. *wīna* «кровь» < *yahuni-, *yahuna-, но шугн. *wixin*, руш., барт. *waxin*, язг. *x^van*, вах. *wə/wižən*, ягн. *wāxin*, хорезм. *hwny* (мн. ч.), согд. *xwrn*, *yzw(r)n* < *wəxuni < *yahuni-, ср. тадж. *xip*, ав. *vohini*- из **x^vahuni*- [13] или, скорее, из *yahuni-, если признать эту лексему производной от и.-е. *yes- «сочить-ся» [11, с. 1171—1172].

Обе тенденции — к ослаблению и к усилению *h — отмечаются даже в недавних заимствованиях, ср. ягн. *hāta*, *hātta*, *xātta* «весь, все», *toh*, *tox*, *to* «луна» из таджикских *hata*, *toh*.

Тем самым, ни ослабление и выпадение *h > θ, ни усиление *h > x не являются общими и одновременными для восточноиранских языков. Эти процессы — относительно поздние, охватывают языки, не всегда близкородственные или связанные с единым ареалом. Поскольку общеир. *x в тех же восточноиранских языках в данных позициях не переходила

в *h и не выпадала, остается признать, что для общевосточноиранского состояния древняя *h еще не исчезла даже в начальной позиции. Тем самым для восточноиранских диалектов древности общим оказывается не исчезновение фонемы *h, а ее фонологическая неустойчивость и широкая фонетическая вариативность — от легкого ларингального выдоха до шумного «жесткого» заднеязычного или увулярного щелевого, совпавшего затем с *x. Такое явление отмечается в языках с отсутствующим или слабо развитым фонологическим рядом ларингальных, где артикуляторная база в заротовой полости не разработана [см. 10, с. 252—253]; в данном случае оно могло быть связано как со спонтанным развитием восточноиранских языков, в которых, несмотря на раннюю фонологизацию *h и становление оппозиции *s ~ *h, ларингальная полость так и не включилась активно в артикуляционный процесс, так и с субстратными производительными навыками, наложившими ограничения на активизацию заротовой полости.

Таким образом, отпадение начальной *h- не является инновацией общевосточноиранского состояния и не может рассматриваться как классификационный признак восточноиранской генетической группы.

Признак отражения общеиранских начальных *b-, *d-, *g- в виде зап. b-, d-, g- ~ вост. v-, ð-, γ- охватывает практически все иранские языки. Исключения встречаются и здесь, однако они носят качественно иной характер.

Так, рефлекс реконструируемой общеир. *b- в бактрийском и хотаносакском языках отражается графикою в виде «b-». Однако данная графема могла обозначать здесь и смычный, и, как полагают специалисты, щелевой звук, на что указывают косвенные свидетельства. Для бактрийского [14] это — его распространение в ареале спирализации начальных звонких смычных. О спирализации *b- в истории хотаносакского говорят следующие факты: 1) хотанские заимствования в языках Северной Индии с v- < *b- [15]; 2) случаи изображения рефлексов *b- графемой «v-», а не «b-» (ср. основу vā-, vi- «быть, становиться» < *buya-, прич. vāta- < *būta- от корня *bau-; varga- «плод (?)» от *bar- «приносить (плоды)» [16, с. 378, 385]); 3) случаи передачи рефлексов *v- через «b-» вместо «v-» (ср. bilga- «почка (анат.)» < *vrika-, bī «ива» < *vaiti-; bār- «идти (дождю)» < *vār-; birgga- «волк» < *vřka- и др.), аналогично рефлексам *b- (ср. bārrai «резчик» < *barnaka-, būṣṣ- «одевать» — от *bazš- и т. п.) [16, с. 278—279, 289, 300]. Это подтверждает произнесение в данных словах в эпоху, фиксируемую графикою (или в предшествовавший ей период), начальной щелевой v- — с возможным последующим переходом в b- при тенденции к анлаутной интенсивности.

По-видимому, аналогичный этап был пройден осетинским языком. Отсутствие явных свидетельств фонологического перехода *b- > v- в скифском материале и в современном осетинском языке связано в первом случае, возможно, со спецификой греческой орфографии, а во втором (а, возможно, и в первом) — с ареальной фонетической тенденцией к анлаутной интенсивности, родственной хотаносакской, вызвавшей вторичный смычный характер начальной звонкой согласной. Косвенными свидетельствами произнесения здесь прежде рефлекса *b- в виде *v- являются: 1) сходные с хотаносакскими «перебои» в отражении *v- в виде b- (вм. w-: bar/baræ «воля, право» < *vāra-, ср. др.-инд. vāra-, ав. vāra-; byjyn/ bijyn «вить, плести» от *vai- «вить», ср. др.-инд. vayati, русск. вить и др., см. [17]), которые В. Ф. Миллер относил к неясным случаям [18] и которые объясняются тем, что часть лексем с начальным *v- подчинилась общему стремлению к анлаутной интенсивности и отразила *v- > *w- > *v-/β- > b-; 2) сохранение этана v при метатезе (ср. xervad/xervadæ «брат» < *brātar-, при xerdu/xerdo «волос» < *drau-); 3) нехарактерность v для анлаута в современном осетинском в исконной лексике [см. 19, 20], что означает наличие здесь в недавнем прошлом дополнительной дистрибуции звуков *b и *v: первый был представлен в анлаутной и постназальной позициях, второй — в срединной и конечной (но не после носовых), ср. отсутствие таких ограничений для обычного w < *v.

Таким образом, тенденция к вторичному усилению начального звонкого щелевого (с переходом его в итоге в смычный) была свойственной раннеосетинскому и, возможно, позднехотаносакскому, представляя тем самым инновацию, общую для скифско-сакских диалектов; реализовалась же она в окончательном виде в осетинском.

Иное отражение *b- в афганском и ягнобском связано с их фонологической системой: в первом, где исконная лексика не имеет губно-зубного ряда, w- наследует *b- и *ɸ-; во втором, при наличии оппозиции v ~ w, она (возможно под воздействием таджикского языка) находится на стадии затухания, поэтому наблюдаются перебои v/w в отражении как *b-, так и *ɸ- (ср. v/wuz «коза, козел» < *buzā-, w/vita «веревка» < *ɸitaka- от *ɸai- «вить»).

Исключения из правила перехода *d > δ- (примеры см. [3, с. 93—94]) также ограничены, однако иным образом. Отсутствие особой фиксации δ- в памятниках письменности хотаносакского языка не свидетельствует об отсутствии в нем этой согласной, как и в случае с v- (см. выше). То же можно сказать о скифо-сарматских наречиях и о предшествующем состоянии осетинского языка, однако в осетинском ранняя утрата соответствующей глухой *θ (перешедшей в t) лишила артикуляционной и фонологической поддержки звонкую *δ, которая «вернулась» в d во всех позициях.

Аналогично отражение *d > d- в некоторых других восточноиранских языках, где фонемный статус *δ был неустойчивым в результате раннего исчезновения глухой *θ. Таково положение в ягнобском — потомке одного из не зафиксированных письменностью согдийских диалектов, — где глухая *θ отразилась как z в восточных говорах ~t в западных; в результате *δ, возможно, существовавшая на фонетическом уровне, не успела фонологизоваться или осталась на периферии системы (различные точки зрения на фонологический статус *δ в раннем ягнобском см. [21, с. 13—14; 22]), чему могло содействовать влияние таджикского языка (согдийские диалекты, дошедшие до нас в письменных памятниках, знали фонемы θ, δ, включая δ- < *d-). Сходное с ягнобским развитие наблюдается в собственно ишканимском и зебакском диалектах ишканимского языка, где *d сохраняется в разных позициях, включая анлаутную (по мнению Г. Моргенштерне, в результате таджикского влияния [6, с. 299—300]). В сангличском же диалекте анлаутная d- и интервокальная -δ- (включая -δ- < *-d-) находятся в отношении дополнительной дистрибуции и могут считаться вариантами единой фонемы (аналогичная система предполагается и для раннего состояния ишканимского [см. 6, с. 303—305]). При этом глухая *θ и здесь была утрачена, отразившись в виде ишк. s ~ санг. t, аналогично ягнобским рефлексам.

Характерно, что начальная d- < *d- в ягнобском и в ишканимском-сангличском явилась результатом не столько анлаутной интензивности (поскольку ее не обнаруживают другие локальные ряды), сколько разрушением глухой *θ, а с ней — артикуляционной базы фонологизации дентальной фрикативной серии. Последнее может зависеть от ареальных тенденций, в частности, от отсутствия этой серии в языке (или языках) субстрата, с одной стороны, и в таджикском, влияющем на данные языки, — с другой.

Другой способ замены неустойчивых дентальных щелевых *θ, *δ наблюдается в более южном ареале, где они оба (или только звонкая) переходят в l — в языках бактрийском, афганском, мунджанском и йидга (а также в нуристанском языке прасун, что подтверждает ареальную, а не генетическую приуроченность перехода *d > *δ > l и снимает предположение о происхождении этого явления в мунджанском из афганского [ср. 23]). Случаи отражения *-t- в виде l показывают, что процесс перехода *d > *δ > l был длительным и захватывал вторичные озвоченные дентальные звуки. При этом глухая *θ отражалась в разных языках различно (ср. z в мунджанском, l в афганском), что свидетельствует об ее относительно позднем исчезновении в уже разошедшихся языках.

Таким образом, исключения из общей тенденции к переходу $*d > \delta$ носят вторичный, инновационный характер и связаны с определенными процессами внутри отдельных языков, в большинстве случаев обусловленными ареальными фонетическими и фонологическими закономерностями.

Рефлексация $*g$ в виде γ обнаруживает значительно меньше отклонений, имеющих к тому же очевидный поздний характер (примеры см. [3, с. 94]). Так, в языках шугнано-рушанской группы палатализация $*\gamma > \check{z}$ обусловлена позицией соседства $*a, *ā, *i, *ī$ (в других позициях сохраняется γ); в язгулямском (и отчасти в афганском) лабиализация $*\gamma > \gamma^o$ (или γ^w) связана с соседством лабиальных; в ваханском переход $\gamma > \check{z}, \check{j}$ происходит в соседстве с $*r$ (в других позициях $*\gamma$ дает обычно заднеязычную шипящую $\check{y}$); в ишкашимском ярко выражена тенденция к ослаблению и соноризации $*\gamma$ — в y после i (при палатализации) и в $\emptyset$ после a и т. п.

Существенно, что в отличие от звонких согласных других рядов спирантизация $*g > \gamma$ оказалась более устойчивой, без случаев «возврата» в g , что, по-видимому, связано со сдвигом γ в увулярную зону практически во всех иранских языках (возможно, лишь с незначительными колебаниями, зависящими от ареальных произносительных норм). Этот сдвиг поддерживал относительно раннюю фонологизацию щелевой γ и способствовал закреплению увулярного ряда в целом. В этих условиях в восточноиранских языках щелинность начальной γ также оказалась устойчивой, и в том единственном случае, когда тенденция к анлаутной интенсивности все же возобладала, а именно — в иронском диалекте осетинского языка, — она привела к переходу $*\gamma$ — не в $*g$ -, а в единственную существующую к этому времени в данном диалекте смычную фонему увулярного ряда — g -, утратив при этом и признак звонкости (с чем связано соответствие диг. $\gamma \sim$ ирон. g , о котором см. [24]).

Таким образом, спирантизация звонких смычных в анлауте, во всяком случае, на фонетическом уровне, была тенденцией, свойственной всем восточноиранским диалектам древности, а исключения, наблюдаемые в отдельных языках, — результат либо ареальных (субстратных, реже — адстратных) фонетических и фонологических отклонений, либо позднейших перестроек уже в конкретных языках. Тем самым данная черта может быть признана классификационной, отделяющей восточноиранские языки от западноиранских. В уточнении нуждается, однако, историко-фонетическая трактовка этого явления.

Отмечено, что в индоарийских языках звонкие придыхательные в анлауте могут реализоваться как спиранты (особенно очевидно — губной, см. [25, с. 181]; о реализации спирантами глухих аспирированных в раннюю эпоху см. [25, с. 227]). Спирантная реализация звонких придыхательных в разных позициях предполагается и для позднего индоевропейского состояния [26, 27, 28]. Если учесть, что одной из общеиранских инноваций явилось совпадение звонких придыхательных с неспридыхательными и образование единого фонологического ряда звонких ($*b, *d, *g$, см. [3, с. 29]), об исключениях в виде случаев раннего оглушения звонких придыхательных и отражения их по типу $*bh > *ph > f$ см. [29, с. 38—39]), и если предположить, что в ареале восточноиранских диалектов древности, дольше контактировавших с древнеиндоарийскими диалектами, оппозиция аспирации у звонких была более устойчивой, чем в западноиранских, то напрашивается вывод, что последнее совпадение придыхательных с неспридыхательными звонкими происходило здесь за счет выравнивания артикуляции последних по типу первых, которые в анлауте могли быть представлены спирантами. В диалектах же западной группы аспирация звонких была утрачена раньше, и исчезновение оппозиции аспирации вызвало здесь унификацию презентации звонких по типу неспридыхательных, т. е. простых смычных.

Если это так, то начало процесса спирантизации звонких придыхательных в анлауте на фонетическом уровне должно было относиться к периоду до полного совпадения аспирированных звонких с неаспирированными

в части индоиранского языкового континуума¹, а завершение этого процесса с выходом на фонологический уровень — уже после совпадения этих двух серий согласных и выравнивания их по типу аспирированных (во всяком случае для анлаута) — уже в восточных диалектах общеиранского состояния. Такой ход развития объясняет, кстати, и сохранение смычности звонкими после носовых, *z, *ž, поглощавших часть воздушной струи, в результате чего группа [типа */ndh/, как и */nd/, реализовалась в виде *[nd] и отражалась в дальнейшем без спирализации.

Наконец, требует внимания и признак соответствия интервокальных групп согласных — глухих в западноиранских языках (-ft-, -xt-) ~ звонким в восточноиранских (-vd-, -γd-). Здесь тоже имеется целый ряд исключений в разных восточноиранских языках, однако явно поздних и сводимых к прототипам в виде общевосточноиранских *-vd-, *-γd-: ср. развитие *-vd- в скиф. *wd, афг. wd, w (учитывая отсутствие здесь оппозиции v ~ w в исконом материале), вах. vd, b (< *vd), сангл. vδ и т. п.; развитие *-γd- в шугн.-руш. wd, γd (в зависимости от позиций) при последующем стяжении y, w с соседними гласными (но γd в близкородственном язгулямском), сангл. γδ, вах. γd, афг., хотаносак. -d (при соноризации и утрате *-γ-) и т. п. [см. 3, с. 97]. Оглушение этих групп в ft, xt в ягнобском — очень позднее и обязано воздействию таджикского языка (в записях XIX в. еще отмечена звонкость первого компонента групп) [21, с. 12—13]. Практически же соответствие данных восточноиранских звонких групп (или их рефлексов) глухим западноиранским (или их рефлексам) проходит по всей иранской семье и является надежным классификационным признаком даже при утрате первого компонента группы.

Комментария требует историко-фонетическая интерпретация данного признака. Обычно это соответствие трактуется как сохранение в западноиранских языках более архаичного — древнеиранского глухого звучания данных групп при озвончении их в восточноиранских [4, с. 415; 3, с. 89, 97]. Однако такой трактовке противоречат, по крайней мере, два явления.

Во-первых, общеиранские *f, *x не озвончаются в большинстве восточноиранских языков даже в интервокальной позиции (ср. осет. xæf/xæftæ «слизь», ягн. xōfa «сляна», xaf, xōfa «пена», угн., руш., барт. sāf «сляна» < *xafā-, шугн. xif, руш. xof, барт. xōf, сар. xef, язг. xūfk «пена» < *xafa(-ka) < *kafa-; вах. xuf «пена, слизь», мундж. xəf, ишк. xūf, хорезм. kf-, хот.-сак. khavū «пена», ср. кл.-перс. kaf, ав. kafa-, др.-инд. karha-; ср. также осет. max, ягн., мундж., язг. tox, йидга māx, ишк. тьx, сангл. amax, шугн., руш., барт., роп. māš, сар. maš «мы» < *amāxat < *ahmākat, ср. ав. ahmākat, др.-перс. amāxat; афг. тəx «лицо» < *mīxā- < *mīkha-, ср. др.-инд. mīkha- и т. п.). Не озвончается и *-t- в ягнобском и ваханском языках. Тем более трудно представить себе озвончение в восточноиранских языках целой консонантной группы, состоящей из двух глухих, из которых по крайней мере одна в этой позиции не озвончается.

Во-вторых, в ряде слов авестийский язык сохраняет не щелевой, а смычный первый компонент группы, например, hapta- «семь», ср. др.-инд. saptā; dugadar- «дочь», ср. др.-инд. dūhitar-, т. е. выявляет более архаичное древнеиранское звучание, чем отраженный в западноиранских языках прототип *hafta-, *duxtar-. При этом в ряде случаев диалект Гат выявляет здесь «восточноиранскую» форму (типа aogəda «сказал»), диалект Поздней Авесты — «западноиранскую» (aoxta).

Эти противоречия снимаются, если объяснять соответствия зап. *ft, *xt ~ вост. vd, γd не поздним озвончением данных групп в восточноиранских диалектах, а ранним процессом различной унификации консонантных

¹ Слабость аспирации звонких или ее неустойчивость, очевидно, была общим свойством части общеарийских диалектов; возможно, она объясняется ареальными факторами: ср. отсутствие рефлексов аспирированных, отличных от неаспирированных, в курганских языках [30] и относительно позднюю утрату аспирации звонкими придыхательными (сопровождающуюся в отдельных языках появлением тоновых оппозиций соседних гласных) в части северо-западных индоарийских языков [25, с. 181—183; 31, с. 78—79, карта 4].

групп, содержавших придыхательные и непридыхательные согласные как это делал Хр. Бартоломе [32, с. 20—22]. Принцип предложенной им схемы унификации основан на том, что при изменениях придыхательных в сочетаниях типа $ph + t/th$, $bh + t/th$, согласно «закону Бартоломе», соответственно в pth , bth , начинают появляться различные варианты исхода корня (например, на $*-b-$ и $*-bh-$) и начала суффикса (например, на $*-dh-$, $*-t-$). Это способствует выравниванию по аналогии звучания постфиксов, имеющих сходные функции. Этот процесс особенно характерен для личных глагольных форм и глагольных имен (инфинитива, пассивного прошедшего причастия, имен действия и деятеля). На примерах с озвончением постфиксальных согласных (в свете «закона Бартоломе») в группах типа $'bh + t > bth$, $bh + s > bsh$, $gh + t > gth$, $gh + s > gsh$ в авестийском и с оглушением по аналогии к другим формам в западноиранских языках (и частично в авестийском) Хр. Бартоломе доказывает, что формы типа гат. ав. *dugədar-*, поздн. ав. *duydar-* «дочь» суть закономерные фонетические продолжения общеир. $*dugdar-$, где группа $*gd$ — из арийск. $*gdh < *gh + t$, ср. др.-инд. *duhitar-* $< *dugh(i)tar-$ [32, с. 21], а кл. перс. *duxtar* с глухой группой xt — вторична и является результатом оглушения под влиянием $*t$ суф. $*-tar$ других терминов родства [32, с. 22].

Если продолжить данное положение Хр. Бартоломе, то получается, что унификация в произнесении данных групп в различных диалектах общеиранского состояния имела неодинаковую направленность. В западноиранских языках эти группы отразились в виде продолжения сочетаний звонких непридыхательных или глухих с $*t$, которые давали глухие рефлексy еще в общеарийском (ср. др.-инд. прич. *yuktā-* от *yaug-* «соединять, запрягать» и *ukta-* от *vak-* «говорить») и преобразовались здесь по «глухому» типу:

$$\left. \begin{array}{l} -b + t- \\ -p + t- \end{array} \right\} -pt- > -ft-, \quad \left. \begin{array}{l} -g + t- \\ -k + t- \end{array} \right\} -kt- > -xt-,$$

«захватив» и перестроившиеся по аналогии к ним формы от корней на звонкие придыхательные.

В восточноиранских языках индуцирующими явились формы от корней со звонкими придыхательными, озвончавшими суффиксальную $*t$, согласно закону Бартоломе. К ним присоединились (очевидно, достаточно рано — при совпадении звонких придыхательных с непридыхательными) формы от корней со звонкими непридыхательными, а затем — по аналогии — и с глухими, что вызвало здесь унификацию по «звонкому» типу:

$$\left. \begin{array}{l} -bh, b + t- \\ -p + t- \end{array} \right\} -bd- > -vd-; \quad \left. \begin{array}{l} -gh, g + t- \\ -k + t- \end{array} \right\} -gd- > -vd-.$$

Эти комплексы стали впоследствии настолько стереотипны, что распространились и на несуффиксальные сочетания древности, например, при отражении $*hapta-$ «семь».

При этом различия между двумя авестийскими диалектами — Гат и Поздней Авесты, — включающие и различное отражение рассматриваемых консонантных групп — по «восточному» и «западному» типам, соответственно, объясняются сохранностью в диалекте Гат последствий действия «закона Бартоломе» в его классическом виде, т. е. с озвончением $*t$ после общеарийских звонких придыхательных (по типу *aogəda* «сказал» $< *augda < *augdha < *augh-ta$), при «глухом» отражении соответствующих групп с общеарийскими звонкими непридыхательными и с глухими, аналогичном древнеиндийскому (по типу *yixta-* от *yaug-*; $-ixta-$ от *vak-*), в то время как в диалекте Поздней Авесты наблюдается вторичное оглушение групп согласных, из которых первая продолжает общеарийскую звонкую придыхательную (по типу *aoxta* «сказал» $< *aukta < *augh-ta$). В последнем мог сказаться произносительный узус западноиранских жрецов [33, 34]. Таким образом, диалект Гат, — если отвлечься от поздних напластований, — характеризуется отсутствием унификации данных групп как по «глухому» (западному), так и по «звонкому» (восточному) типу, т. е.

не разделяет ни западноиранских, ни восточноиранских инноваций в этом плане.

Итак, соответствие зап. *-xt-, *-ft- ~ вост. *-γd-, *-vd- оказывается не только всеохватывающим классификационным признаком, делящим иранские языки «послегатского» периода на две генетические группы, но и признаком пережитков древнейшего состояния, восходящего к периоду действия «закона Бартоломе» в общеарийский период. Позднейшая унификация, наблюдаемая и в западной, и в восточной группах, происходила уже в диалектах общеиранского и более позднего состояния, после слияния звонких придыхательных с непридыхательными (и заострения диалекта Гат как языка религии), при этом в западноиранских диалектах придыхательные уподобились непридыхательным, в восточных — наоборот (с вовлечением затем в орбиту данной унификации и форм с глухими смычными).

Если это так, то следует признать, что последние две черты, отделяющие восточноиранские языки от западноиранских, а именно, соответствия зап. *b-, *d-, *g- ~ вост. *v-, *δ-, *γ- и зап. *-ft-, *-xt- ~ вост. *-vd-, *-γd-, — начали складываться сначала в фонетической сфере — еще в диалектах общеарийского состояния, во всяком случае, до совпадения звонких придыхательных с непридыхательными. Выход же их на фонологический уровень происходит значительно позднее — уже после совпадения этих двух рядов в единый фонемный ряд звонких в диалектах общеиранского состояния и фонологизации звонких щелевых согласных в последние периоды (и после вычленения диалекта Гат). При этом различные типы реализации звонких придыхательных фонем в тех арийских диалектах, из которых затем развились восточноиранские и западноиранские языки, обусловили в дальнейшем и различные способы совпадения двух фонемных рядов звонких согласных: в западных диалектах, благодаря сильной смычке и слабому аспирационному компоненту, индуцирующими явились непридыхательные; в восточноиранских диалектах, где аспирация удерживалась дольше, а смычный компонент был, возможно, менее интенсивным, возобладала унификация по типу древних аспирированных.

Тем самым, согласно историко-фонетическим данным, общеиранское состояние предстает в виде не единого «ствола родословного древа», а совокупности диалектов или диалектных групп, в которой единая в фонологическом аспекте система допускает различные типы презентации определенных фонем в разных диалектных зонах.

Следует напомнить к тому же, что и другие общеиранские инновации, отделяющие иранские языки от индоарийских и нуристанских, также начали зарождаться в достаточно глубокой древности и не одновременно, а в определенной хронологической последовательности, с определенными ареалами архаизмов и инноваций уже в диалектах общеиранского континуума (не всегда совпадавших с последующим делением общеиранского на группы) [см. 29, с. 39—42, 45]. Эти факты делают очевидной большую хронологическую глубину становления и «распада» общеиранского состояния, а также его диалектную неоднородность [ср. 1, с. 137; 2, с. 37; 3, с. 32—34].

Если добавить к этому, что некоторые инновации были ускорены или, наоборот, замедлены ареальными тенденциями [см. 31, с. 84—85; 7, с. 39—40], то следует признать, что праязыковое состояние как для общеиранского, так и для «восточноиранского» и «западноиранского» уровней представляло собой не монолитное целое, а континуум диалектов, имевших весьма существенные различия и объединяемых между собой общностью совокупности материальных черт, в том числе и инновационных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.
2. Оранский И. М. Иранские языки. М., 1963.
3. Оранский И. М. Введение. — В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
4. Geiger W. Kleinere Dialekte und Dialektgruppen. — Grundriss der iranischen Philologie. Bd I, Abt. 2. Strassburg, 1898—1901.

5. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949, с. 205—207.
6. Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages. V. II. Oslo, 1938.
7. Стеблин-Каменский И. М. Историческая фонетика ваханского языка: Канд. диссерт. Л., 1971.
8. Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык.— В кн.: Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981, с. 242—244.
9. Соколова В. С. Генетические отношения ягулянского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967, с. 123.
10. Принципы описания языков мира. М., 1976.
11. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern — München, 1959.
12. Morgenstierne G. An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927, p. 54.
13. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, Sp. 1434.
14. Стеблин-Каменский И. М. Бактрийский язык.— В кн.: Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981, с. 339.
15. Bailey H. W. Languages of the Saka.— In: Handbuch der Orientalistik. Bd 4, Abschn. 1. Leiden — Köln, 1958, p. 136.
16. Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
17. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958, с. 235—236, 248, 262, 277.
18. Миллер В. Ф. Язык осетин. М., 1962, с. 62.
19. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1962, с. 172—173.
20. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966, с. 16.
21. Боголюбов М. Н. Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1956.
22. Хромов А. Л. Ягнобский язык. М., 1972, с. 123—124.
23. Соколова В. С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-ягулянской языковой группы. Л., 1973, с. 60.
24. Абаев В. И. О диалектах осетинского языка.— In: Indo-Iranica. Mélanges présentés à Georg Morgenstierne. Wiesbaden, 1964, с. 3.
25. Елизаренкова Т. Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
26. Walde A. Die Verbindungen zweier Dentale und tönendes z im Indogermanischen.— Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd XXXIV. Neue Folge. Bd XIV. 1897 (repr. 1963, Wiesbaden), S. 466—467, 504.
27. Knobloch J. Concetto storico di protolingua e possibilità e limiti di applicazione ad esso dei principi strutturalistici.— In: Le «Protolingue». Atti del IV Convegno Internazionale di linguisti. Milano, 1965, p. 153.
28. Семеревы О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, с. 159.
29. Эдельман Д. И. К перспективам реконструкции общепиранского состояния.— ВЯ, 1982, № 1.
30. Buddruss G. Nochmals zur Stellung der Nūristān-Sprachen des afghanischen Hindu-kusch.— Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München, 1977, Hf. 36, S. 22—23.
31. Эдельман Д. И. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М., 1968.
32. Bartholomae Chr. Vorgeschichte der iranischen Sprachen.— In: Grundriss der iranischen Philologie. Bd I, Abt. 1. Strassburg, 1895—1901.
33. Соколов С. Н. Авестийский язык. М., 1961, с. 34, 37.
34. Соколов С. Н. Язык Авесты.— В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, с. 158, 160.